

И. Н. Дьячкова (Петрозаводск)

**О КОНСТРУКЦИЯХ ТИПА ДВА ВЕТРЫ, ПЯТЬ КЛИМАТЫ,
СЕМЬ ХЛЕБЫ В ЛИТЕРАТУРНО-ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ XVIII В.**

Известно, что взаимовлияние морфосинтаксических конструкций с исконно атрибутивными нумеративами *два–четыре* и субстантивными по природе числительными *пять–десять* в процессе развития русского языка привело к выработке у них совершенно особых синтагматических свойств, прежде всего – специфической формальной связи с существительными с управлением в прямых и согласованием в косвенных падежах.

Сообщение, предлагаемое для обсуждения на конференции, посвящено рассмотрению некоторых направлений указанной унификации, не нашедших отражения в современном литературном языке и малоизвестных русским говорам. Речь в данном случае идет о таких сочетаниях, как *два ветры, пять климаты, семь хлебы, 24 оловянных тарелок* и под., зарегистрированных нами в литературно-письменных источниках XVIII в. и представляющих собой вероятностные пути морфосинтаксического обобщения числительных, по всей видимости, продолжавшегося и на этапе формирования национального русского литературного языка. Несмотря на то что такого рода сочетания уже отмечались исследователями – в основном в памятниках донациональной эпохи, а также некоторых говорах (В. Егоров, Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, А. Е. Супрун, С. М. Глускина, Г. И. Матвеева), тем не менее в аспекте генезиса, а также степени распространения этих конструкций в языке предпушкинского периода они никогда подробно не рассматривались.

Что касается письменности XVIII в., то наибольшей употребительностью из указанных сочетаний, по нашим данным, характеризуются в ней соединения типа *два времена, три месяцы, четыре ветры*. В особенности это относится к памятникам Петровской эпохи, где конструкции с согласованием при 2–4 составили четвертую часть всех зафиксированных употреблений (37 к 93 конструкциям современного типа). Например: *два зѣло знатные примѣры* (Кугорн. Крепостное строение); *въ три оныя мѣсяцы* (Варениус. География генеральная);

два флоты, російскіе и шведскіе (Триумфальные врата) и др. Несмотря на грамматическую стабилизацию языка, осуществившуюся в первой половине XVIII в., такие примеры sporadически встречаются и позднее: *три головы* (Тредиаковский. Похвала правде); *четыре времена въ году* (Крашенинников. Камчатка); *два свойственныя царедворцамъ пороки* (Фонвизин. Жизнь Панина).

Аналогичные сочетания с числительными типа *пять* представлены в наших источниках гораздо меньшим количеством употреблений (7 случаев к 146 конструкциям с И., В. п.), при этом все они зафиксированы в текстах первой трети XVIII в. См. примеры: *...пять поясы* (Магницкий. Арифметика); *раздѣляетъ на пять равныя части* (Браун. Артиллерия, пер. Я. В. Брюс); *умножаются въ протчіе шесть мѣсяцы* (Герман. Сокращение математическое. Ч. 2, пер. И. С. Горлицкий); *«глобусъ земной раздѣляютъ на пять главнѣйшїе климаты»* (Фонтенель. Разговоры, пер. А. Кантемира).

Весьма показательно для нас, что процессы грамматической унификации номинативов соединений с числительными 5–10 по типу согласования оставили свой след и в истории других восточнославянских языков. Так, А. Е. Супрун приводит один подобный пример из западнорусской письменности XVI в.: *Земли боярскихъ пустыхъ пять»* (Описание Остерского замка, 1552), отмечая при этом, что такие соединения, хотя и нечасто, но все-таки встречаются в исследованных им источниках [3, с. 162]. Убеждают в функционировании подобных сочетаний в языке XVI–XVII вв. и данные раздела о словосочинении грамматики М. Смотрицкого (1619), где автор допускает двоякую сочетаемость существительных с числительными *пять, шесть, семь*, которые, помимо управления Р. п. мн. ч. субстантивов, «многажды и Прилагательныхъ правиломъ существительнымъ сочиняются: *пять хлѣбы, семь свѣтильники, семь церкви»* [2, с. 269 об]. Повторяется это замечание и в «Русской грамматике» Г. Лудольфа (1696), где автор приводит в пример сочетание *пять попы*.

В связи с тем что современные диалектные данные русского языка в той мере, в которой они изучены, не подтверждают существования подобных сочетаний на великорусской территории (они отмечаются А. А. Шахматовым только в мозырских говорах белорусского «наречия»), можно предположить, что нормы сочетаний с согласованием

для числительных 5–10, отмеченные в грамматике М. Смотрицкого, а также встречающиеся в письменности XVI–XVIII вв. и неизвестные старославянскому языку, были связаны своим происхождением с узусом разговорной речи Юго-Западной Руси, или «простой мовой». Если при этом также учитывать то, каким авторитетом для пишущих на русском языке до грамматики М. В. Ломоносова пользовалась грамматика М. Смотрицкого (переиздавалась под ред. Ф. Поликарпова еще в 1721 г.) и вообще вся западнорусская письменность, допустить последнее несложно. Нельзя в данном случае забывать и о широком распространении в этот период согласовательных конструкций с лексемами 2–4, употребительность которых, по всей видимости, была обусловлена теми же причинами, тем более, что для 3–4 в церковнославянском языке такие соединения были нормой.

Свою роль в распространении согласования на номинативы сочетаний с числительными 2–4 могли сыграть в этот период и семантически сходные с данными лексемами собирательные нумеративы, а также наименования *оба–обе*, которые сохраняли грамматическую амбивалентность в соединении с субстантивами до XX в. (*двои сани* и *двое друзей, оба брата* и *оба братья*) [1, с. 219].

Ввиду такой формальной неустойчивости в образовании сочетаний с указанными числительными открывалась, по всей видимости, возможность их полной синтаксической унификации не только на основе согласования, но и управления с общей для всех количественноименных соединений формой субстантива в Р. п. мн. ч. В нашем материале под эту рубрику попадают следующие примеры: *на всякой день имѣль я два назначенныхъ сходбищъ* (Тредиаковский. Езда в остров любви); *положено 24 оловянныхъ тарелокъ* (Ломоносов. Физика); *имѣть два разныхъ окончаний* (Ломоносов. Российская грамматика); *«произойдутъ два некоторыхъ періодическихъ членовъ»* (Тредиаковский. Способ к сложению стихов). Знаменательно, что данные образования, хотя и в небольшом количестве, регистрируются в произведениях авторитетнейших словесников своего времени.

В целом, приведенные данные свидетельствуют о том, что становление синтагматики современных русских числительных проходило в борьбе различных, нередко противоположных, тенденций. Этот процесс на этапе формирования нового литературного языка был значи-

тельно осложнен воздействием не только собственно языковых, но и культурных факторов.

1. *Егоров, В.* Согласование числительных с существительными в великорусских юридических памятниках XV–XVII вв. / В. Егоров // Филологические записки. – СПб., 1916. – Ч. 56. Вып. II–III. – С. 189–236.

2. *Смотрицкий, М.* Грамматіки славенския правилное синтагма (1619). Факсимільне видання / підг. В. В. Немчук. – Київ, 1979. – С. 19–26.

3. *Супрун, А. Е.* Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи / А. Е. Супрун. – Минск, 1969.